

ДЕТЕКТИВНОЕ АГЕНТСТВО «АЛЬТЕРНАТИВА»

Часть первая

1

ФРЭНКИ ФАЛКОНЕ

Раздался стук в дверь. Меня он не взволновал. Кто-то по ошибке принял мой офис за черный ход в кабинет зубного врача, расположенный в этом же холле.

— Войдите, — крикнул я.

Появился коренастый крепкий парень в гавайской рубашке, твидовой спортивной куртке и в джинсах с широким кожаным ремнем. На медной пряжке размером с десертную тарелку значилось: «Пожарная команда Ремингтона». У него были темные волосы, карие глаза и сильно загорелая кожа.

— Это детективное агентство «Альтернатива»? — спросил он, будто не совсем доверяя потрескавшимся золотым буквам на двери.

Признаю, что обстановка и вправду могла вызвать сомнение. Посредственная маленькая контора в ряду других посредственных контор, занимавших изрядно обшарпанное двухэтажное здание.

Книжный шкаф с энциклопедией «Британника» за 1976 год. Пятый том, Кастер — Коул, отсутствует. Дубовый стол, испещренный шрамами. Позади него окно с видом на разворошенные витрины Стейт-стрит. Никакого ковра. Только вековые серые пятна на когда-то лакированном полу. Такие полы бывали в домах, наверно, лет сто назад, когда Снаффс-Лендинг еще считался процветающим портом на реке Гудзон. На стене несколько плохих подражаний голландским мастерам. Их повесила Милар во время своего недолгого увлечения мной и агентством. Тогда она планировала помогать мне и даже сама собиралась стать детективом. Тогда у нас еще были мечты. Потом на сцене появился Шелдон.

— Знаю, не очень похоже, — сказал я парню. — Вам повезло. Вы попали к нам накануне большого расширения, а пока мы еще работаем по старым стандартам.

Это не произвело на него никакого впечатления. И даже не показалось забавным. Он прислонился к спинке кресла с потрескавшейся полировкой и облупившейся имитацией кожи.

— По-моему, офис знаменитого детектива Сэма Спейда выглядел похожим на этот. Но у него была секретарша, — немного спустя заметил он.

— Вы насмотрелись детективов по телевизору, — возразил я. — Так что именно, сэр, я могу для вас сделать?

— Похоже, вы меня не помните, мистер Драконян, — начал он. — Я Фрэнки Фалконе, ваш племянник.

Значит, старший сын моей сестры Риты. Рита живет в Орегоне; естественно, я не слишком часто с ней встречаюсь. Должно быть, прошло лет шесть-

семь с тех пор, как я видел Фрэнки. Это первый случай, когда Рита послала ко мне клиента, конечно, если парень клиент.

— Садись, Фрэнки. Как Рита?

— Прекрасно. Она прислала вам фотографию. — Он вытащил ее из рюкзака, который висел на плече.

На снимке был большой каркасный дом с длинной тенистой верандой. В одном углу веранды виднелся старый холодильник, в другом — диван-качалка. Из-за дома выглядывал обшарпанный грузовик, позади высокие деревья. На веранде справа налево стояли Рита, сам Фрэнки, ростом чуть ниже Риты, и рядом с ним девушка с нежным лицом и пушистыми короткими светлыми волосами. Они обнимали друг друга за талию.

— Это кто? — спросил я.

— Это Триш Джонсон, — ответил Фрэнки. — Мы поженились в прошлом году.

— А эти парни?

Два темноволосых усатых молодых человека — один высокий, худой, с серьезным взглядом, другой маленький, грудь колесом, на щеке шрам, наверно, оставленный ножом, — оказались Антонио и Карлосом Ордоньез, мексиканскими мастерами, которые работали у Фрэнки во время сезона виндсерфинга. За домом виднелись лес и горы. Позади на веранде на фоне обитой вагонкой стены выделялись два конических предмета, раскрашенных в яркие цвета, будто психоделические саркофаги.

— А это что? — спросил я.

— Две мои доски для виндсерфинга, — ответил Фрэнки. — То, чем я занимаюсь.

— Плаваешь на виндсерфере?

— Да. А еще я их проектирую и строю. «Фалконе Дубль Икс, серфборд для соревнований» — так они называются.

Этот толстощекий деревенский парень был дизайнером, строителем и предпринимателем. Я посмотрел на него с проснувшимся уважением.

— И в чем проблема? — спросил я, положив фотографию в ящик стола.

Фрэнки сел и стал рассказывать.

Окончив среднюю школу, он занимался самыми разными делами. Заливал бензин в баки и приводил в порядок машины на бензозаправке местной компании. Водил грузовики фирмы Уэйрхаузера, пока она не прекратила операции на реке Гуд. Потом работал у Вергилия Сиббса, который делал лодки из фибerglassа для рыбаков. В один прекрасный день Вергилий обанкротился, упаковал вещи и смылся. Впрочем, люди подозревали, что с его бизнесом было не все гладко.

Фрэнки занялся работой по дереву и стеклопластику, потому что унаследовал от Сиббса кое-какое оборудование. Когда виндсерфинг начал приобретать популярность, он оказался на старте первым. Фрэнки любил это дело и хорошо разбирался в нем. Он начал строить доски с парусом. Триш помогала ему, изучая конструкцию виндсерфера и дизайн парусов. Выяснилось, что у Фрэнки есть интуиция, как эти маленькие корабли будут вести себя в различных морских условиях и при разном ветре. К полиуретану он относился как скульптор к камню. Очень скоро «Фалконе XX» стала известна как высококлассная доска. Никто не догадывался, что «XX» появилось в честь «Дос Экис», любимого пива Фрэнки*.

* Марка мексиканского пива, переводится с испанского как «Два икса». (Здесь и далее — примеч. переводчика.)

Виндсерфинг в городке Худ-Ривер, что в ущелье Колумбия-Гордж, штат Орегон, стал самым модным занятием. Открывались школы плавания на доске под парусом. Пляжи заполнили спортсмены и любители. Сначала только по субботам и воскресеньям, а потом и все дни недели долгого лета. Виндсерфинг входил в жизнь, а Колумбия-Гордж был лучшим в мире местом для этого дела. По правде говоря, здесь не удавалось добиться такого безукоризненного скольжения, как в Мои. Но почти каждый день в узком устье реки дул постоянный и надежный ветер со скоростью узлов двадцать-тридцать, а то и больше. На слишком стесненной берегами воде почти не возникало серьезных волнений. Потрясающее место для того, кто желает научиться справляться со скоростью и маневрировать на доске под парусом.

В строительстве виндсерферов началась жесткая конкуренция. Фрэнки считал, что совершил прорыв, когда испанская компания «Индустриас Марисол» заказала ему две доски, а потом еще две. Это приносило неплохие деньги и давало хорошую известность. До Колумбии-Гордж стали доходить новости, что парни на «Фалконе XX» занимают первые и вторые места в соревнованиях на Женевском озере и в Пальма-де-Майорка.

И тут «Индустриас Марисол» попросила его сделать пять виндсерферов по специальному заказу, отдельно оговоренному. Они просили сделать доски срочно. И обещали оплатить, как только он выполнит заказ.

— Так я отправил «Индустриас Марисол» на остров Ибица в Испании пять виндсерферов для соревнований. Они получили весь ассортимент: корот-

кую доску, скоростную, для слалома, для высокой волны и переходную. Все полностью оснащенные. Мачты, гики, блоки и тали, паруса, бортовые мешки. Они уже покупали раньше мои виндсерферы, так что я не ждал подвоха. Виндсерферы срочно требовались им для европейских соревнований, поэтому они предложили мне на треть больше, чем платили обычно. Я получил заказ вместе с условиями оплаты и отправил им доски. Агент «Индустриас Марисол» позвонил из Испании и сказал, что чек будет на почте на следующий день. Я получил извещение из корабельной компании, что доски прибыли и прошли таможеню. Прошло две недели. Никакого чека. Я позвонил в «Индустриас Марисол», там никто не ответил. Послал телеграмму. Ничего. Я не знаю, кто получил доски и забрал мои деньги. Цена этой партии больше десяти тысяч долларов.

— Как по-твоему, Фрэнки, что я могу для тебя сделать?

— Вернуть мне деньги. Мама сказала, что у вас там есть связи.

Я немного подумал. Теоретически случай Фрэнки и простой и сложный. Учитывая, что бумаги в порядке, он может обратиться с иском в испанский суд и потребовать свои деньги. Испанская юстиция бывает медлительной, но работает вполне прилично.

Хотя, может, и не стоит заходить так далеко. Может быть, достаточно найти человека, чтобы он поговорил с ребятами из «Марисол», и все станет на свои места. Никому не нравится вмешательство закона. Может, всего лишь нужен человек, который скажет им: «Отдайте парню его доски или вышлите деньги». Ведь люди в большинстве своем честные, просто рассеянные. И мне даже не придется зани-

маться этим самому. У меня есть Гарри Хэм, который за меня поработает на Ибице.

— Не могу дать никаких обещаний, — сказал я. — Но мы проводим на Ибице одну из наших операций. Я посмотрю, что могу для тебя сделать. Однако прежде чем я приступлю, мне нужен аванс.

— Сколько?

— Пара сотен будет хорошим началом.

— А если одна сотня, и пусть начало будет плохим?

Я согласился. Сто долларов едва ли покроют телефонные и телеграфные расходы. Но, черт возьми, мне нужен этот случай, чтобы поручить его Гарри. Если я оставлю Гарри без работы, то потеряю своего сыщика. И тогда весь мой план рассыплется.

Я записал суть информации, полученной от Фрэнки. Сегодня вечером он отправляется на съезд поклонников виндсерфинга в Филадельфию, а через два дня собирается вернуться в Орегон. Я пообещал поддерживать с ним связь и просил передать привет Рите.

После ухода Фрэнки я долго и мучительно раздумывал. Неужели это долгожданный сигнал? Не пора ли мне бросить Америку с ее странностями и вернуться в МОЮ Европу сладостных воспоминаний? И это должна быть Ибица! Однако все же возврат казался невозможным. Дело Фрэнки не принесет больших денег. Их не хватит даже для полета в Испанию. Довольно тратить время на пустые фантазии. Это дело должно быть передано другому сыщику детективного агентства «Альтернатива».

Я вставил в машинку лист бумаги и напечатал письмо с инструкциями Гарри Хэму, моему человеку на Ибице. Но мысленно я был уверен, что он придет, мой день.

2
МАТЬ

Мама живет во Флориде. Ей нравится, что я частный детектив.

— Ну, кого ты на днях убил? — хихикает она, когда я, как обычно, раз в полгода приезжаю навестить ее в Центр для престарелых «Золотые берега».

— Привет, Сэдди, познакомься с моим сыном, Хобартом, частным детективом, — так представляет она меня своим друзьям.

Сэдди, тощая маленькая особа в бледно-желтом платье, испещренном пятнами, оглядывает меня с головы до ног.

— Привет, мама, ты же знаешь, что я не убиваю людей, — напоминаю я.

— Тогда из кого ты на днях вытряс мозги? — спрашивает она и задыхается от взрывов хохота. Моя мама, как любят здесь говорить, расторможенная, то есть не признает условностей. В чем-то подобном всегда упрекал ее отец. Когда я навещаю его в доме для престарелых «Стоянка южных ветров» в городе Ки-Ларго, тоже во Флориде, он каждый раз с надменным видом спрашивает о ней.

— Твоя мать, эта горлопанка, как она там? — говорит он.

— Подними трубку и узнай, — советую я ему. — Всего несколько сот миль отсюда, по дороге А1А прямо, никуда не сворачивая.

— Зачем ты мне говоришь, где она? Разве я не сам туда ее поместил?

— Ну и почему ты не хочешь позвонить ей?